

Международно-правовые аспекты обеспечения государственного суверенитета и юрисдикции на арендованной Финляндской Республикой российской части Сайменского канала

А.С. Григорян ©

Независимый исследователь,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: grigoryan84@inbox.ru

Аннотация. *Цель исследования.* Российская часть Сайменского канала, находящаяся с 1962 г. в аренде у Финляндской Республики, имеет международно-правовую специфику, обусловленную институтом межгосударственной аренды территории. Прежде всего, речь идет о том, что государство, арендуя территорию другого государства, вряд ли сможет полноценно использовать ее в своих целях, если его юрисдикция на этой территории не будет осуществляться в принципе. Конечно, в силу свойств государственного суверенитета едва можно допустить, что на территории государства часть его юрисдикционных полномочий будет передана государству-арендатору. Однако международно-правовые основы аренды упомянутой территории, зафиксированные в ст. 15 Договора между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал (далее – Договор об аренде) 2010 г., подтверждают реализацию международно-правовой презумпции передачи части полномочий государства-арендодателя. Целью исследования является определить, в каких пределах допустимо передавать такие полномочия, и каким образом это может повлиять на обеспечение юрисдикции и суверенитета Российской Федерации и Финляндской Республики. **Выводы.** В основе правоотношений по аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала лежит частичная передача полномочий на арендуемой территории от российской стороны финской стороне в соответствии со ст. 15 Договора об аренде 2010 г. Во многом вследствие такой частичной передачи полномочий правоотношения по поводу аренды упомянутой территории имеют долгосрочный, успешный характер. Реализация презумпции передачи части полномочий в правоотношениях между Российской Федерацией и Финляндской Республикой по поводу аренды части Сайменского канала не влечет за собой нарушение принципов суверенного равенства государств, уважения их суверенитета и невмешательства в их внутренние дела. Кроме того, в основе передачи финской стороне части полномочий Российской Федерации лежит экстратерриториальность, которая, с одной стороны, позволяет Финляндской Республике применять свое законодательство на арендуемой территории к правоотношениям, участниками которых являются ее граждане, с другой – обуславливает частичное ограничение полномочий Российской Федерации по применению своего законодательства в рамках действия экстратерриториальности. Реализация презумпции передачи части юрисдикционных полномочий в рассматриваемых межгосударственных отношениях основана на взаимной выгоде Российской Федерации и Финляндской Республики, которая носит материальный характер.

Ключевые слова: межгосударственная аренда территории, Сайменский канал, передача полномочий государства, обеспечение государственного суверенитета

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Григорян А.С. Международно-правовые аспекты обеспечения государственного суверенитета и юрисдикции на арендованной Финляндской Республикой российской части Сайменского канала // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 3. С. 90–97. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-3-90-97

International Legal Aspects of Ensuring State Sovereignty and Jurisdiction on the Leased by the Republic of Finland Russian Part of the Saimaa Canal

A.S. Grigoryan ©

Independent researcher,
Moscow, Russian Federation

E-mail: grigoryan84@inbox.ru

Abstract. *The purpose of the research.* The Russian part of the Saimaa Canal, which has been leased by the Republic of Finland since 1962, has international legal specificity due to the institution of interstate lease of territory. First of all, we are talking about the situation when a state, renting the territory of another state, would find it difficult to fully use it for its own purposes if its jurisdiction in this territory is not implemented in principle. Of course, due to the attributes of state sovereignty, it's hardly possible to presume that on the territory of state part of its jurisdiction will be transferred to lessee state. However, the international legal basis for the lease of the mentioned territory, formalized by the Agreement between the Russian Federation and the Republic of Finland on the Lease by the Republic of Finland of the Russian Part of the Saimaa Canal and the Surrounding Area and the Order of Navigation through the Saimaa Canal (Lease Agreement) of 2010, confirms the implementation of the international legal presumption of the transfer of part of lessor state powers. The purpose of the research is to identify the limits of the permissible transfer of such powers, and how this may affect the ensuring of jurisdiction and sovereignty by the Russian Federation and the Republic of Finland. **Results.** The basis of the legal relations on the lease of the Russian part of the Saimaa Canal by the Republic of Finland is the partial transfer of powers in the leased territory from the Russian side to the Finnish side in accordance with Article 15 of the Lease Agreement of 2010. Largely due to such a partial transfer of authority legal relations regarding the lease of the mentioned territory have a long-term, successful character. The implementation of the presumption of the transfer of part of the powers in the legal relations between the Russian Federation and the Republic of Finland regarding the lease of the part of the Saimaa Canal does not entail a violation of the principles of the sovereign equality of states, respect for their sovereignty and non-interference in their internal affairs. In addition, the transfer of part of the Russian Federation powers to the Finnish side is based on extraterritoriality, which, on the one hand, allows the Republic of Finland to implement its legislation on the leased territory to legal relations in which its citizens are participants, on the other hand, it causes a partial restriction of powers of the Russian Federation on application of its legislation within the scope of extraterritoriality. The implementation of the presumption of the transfer of part of jurisdictional powers in the mentioned interstate relations is based on the mutual benefit of the Russian Federation and the Republic of Finland, which is material.

Key words: interstate lease of territory, Saimaa Canal, transfer of state powers, ensuring of state sovereignty

FOR CITATION: Grigoryan A.S. International Legal Aspects of Ensuring State Sovereignty and Jurisdiction on the Leased by the Republic of Finland Russian Part of the Saimaa Canal. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 3. Pp. 90–97. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-3-90-97

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе международного права, которое вышло на новый уровень развития в связи с принятием Устава ООН 1945 г., одной из приоритетных целей является защита суверенитета его государств-участников. Советский Союз / Российская Федерация и Финляндская Республика, будучи государствами – членами ООН, взяли на себя данное обязательство. Неразрывно с суверенитетом государства связана его юрисдикция. Передача части полномочий государства другому государству, на первый взгляд, очевидно склывается на осуществлении им своего суверенитета. Однако межгосударственная практика показывает,

что это не всегда так. К настоящему времени одной из наиболее чувствительных областей российско-финляндского взаимодействия является правоотношения по аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала. В настоящее время их международно-правовую основу составляет Договор об аренде 2010 г.¹ Основные вопросы, связанные с обеспечением юрисдикции государств, зафиксированы в ст. 15 этого договора, касающейся законодательства, действующего

¹ Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал от 27 мая 2010 г. // Бюллетень международных договоров. 2012. № 5.

на арендуемой территории. Положения данной договорной нормы, как представляется, требуют анализа на фоне основных имеющихся в доктрине международного права подходов к вопросам обеспечения государственной юрисдикции и суверенитета.

ОБЩИЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ВАЖНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ЮРИСДИКЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В одной из зарубежных работ при анализе принципов суверенитета с точки зрения международного права отмечается, что государство в целом может контролировать всю деятельность на территории, над которой оно обладает суверенитетом. За пределами же этой территории государство, как правило, имеет ограниченный контроль за деятельностью своих граждан, судов или самолетов, зарегистрированных на его территории².

В другой иностранной публикации выражается мнение о том, что в международном праве и международных отношениях суверенная территориальность остается доминирующим и в основном неоспоримым принципом, разграничивающим сферу политической власти и прав юрисдикции, территориальных прав и прав на природные ресурсы. Эти права сопровождаются обширным набором полномочий, прерогатив и иммунитетов, которые лишают негосударственных субъектов возможности претендовать на политическую автономию, территориальный контроль в границах существующих суверенных территориальных единиц³.

Итак, анализ приведенных точек зрения зарубежных ученых позволяет выделить следующие элементы государственного суверенитета:

- 1) наличие у государства возможности осуществлять контроль над всякой деятельностью на находящейся под его юрисдикцией территории;
- 2) возможность государства осуществлять ограниченный контроль за деятельностью физических и юридических лиц своего происхождения вне своей территории;
- 3) отсутствие возможности/права у других государств вмешиваться в осуществление территориального контроля в государстве, влиять на регулирование в последнем отношений в ограниченных сферах;
- 4) наличие у государства права принимать меры для обеспечения правопорядка на своей территории, в т.ч. посредством установления соответствующих правил поведения и создания механизма их реализации.

Как следует из позиции Б.М. Клименко, территориальное верховенство государства, выражающееся в главенстве его высших властных органов на его территории, выступает неотъемлемым признаком государственного суверенитета. Это означает, что власть данного государства является высшей властью по отношению ко всем лицам и организациям, находящим-

ся на этой территории, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, при условии, что в договорном порядке не зафиксировано иное. В связи с этим презюмируется, что даже в случае, если граждане государства находятся вне его пределов, то юрисдикция этого государства распространяется на них, т.е. на зарубежной территории. Вместе с тем применить меры принудительного характера по отношению к своим гражданам государство может только на своей территории [Клименко, 2000: 17–18].

Автор разделяет данное профессиональное мнение и рассматривает его в качестве универсальной характеристики общего подхода к пониманию государственного суверенитета. Вместе с тем возникает вопрос о том, применимы ли обозначенные принципы действия суверенитета государства и использования им своей юрисдикции к межгосударственным отношениям по аренде территории. Или же в таких правоотношениях иные условия для обеспечения государственного суверенитета и действия юрисдикции?

Обращает на себя внимание и то, что международным договором могут быть предусмотрены правила, устанавливающие иной правовой режим для иностранных граждан на территории государства, нежели полное распространение на них власти данного государства. Следовательно, согласованные межгосударственные договоренности могут содержать в себе определенные исключения из абсолютного верховенства государства на своей территории.

Кроме того, важно учитывать и то, что государственный суверенитет не может обеспечиваться должным образом в случае, если имеет место вмешательство во внутренние дела соответствующей страны. В данном контексте А. Геррейро отмечает, что запрет на вмешательство недвусмысленно направлен на защиту суверенных и неотъемлемых прав каждого государства, среди которых свобода определения своих политической, экономической и прочих систем, развитие своих внешних отношений и осуществление суверенной власти над природными ресурсами, при должном уважении воли своего народа и без какого-либо внешнего вмешательства, посягательства и угрозы [Геррейро, 2022: 24].

Следовательно, государства в целом должны взаимодействовать между собой таким образом, чтобы не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не препятствовать реализации своих приоритетов. Но определенная свобода действий за ними все же остается. Для ее обеспечения, как представляется, необходимо добровольное согласованное волеизъявление государств. Формой выражения такой согласованности должен быть международный договор.

АНАЛИЗ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЮРИСДИКЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ДОГОВОРУ ОБ АРЕНДЕ 2010 Г. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ СУВЕРЕНИТЕТА

В международной практике имели место случаи, когда юрисдикция государства-арендодателя на территории была ограничена настолько, что это рассматривалось как ограничение государственного суверенитета.

² *McGrath Ch. Principles of sovereignty under international law. 2018, December 10 [Electronic resource]. URL: http://envlaw.com.au/wp-content/uploads/handout_sovereignty.pdf (data of accesses: 21.05.2022).*

³ *Gümplova P. The unbundling of sovereignty: Justice, jurisdiction and territorial rights. 25.08.2018 [Electronic resource]. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/8055> (data of accesses: 21.05.2022).*

Например, опыт использования Панамского канала в отношениях между США и Панамой. Как отмечается в одной из работ, по договору Хэя-Бьюно-Варильи 1903 г. США получили все права, власть и авторитет, как если бы они были сувереном этой территории [Ткачева, 2006: 97, 102]. Этот случай, как представляется, имел место в период, когда международное право находилось на ранней стадии своего формирования. Соответственно, в настоящее время вряд ли какое-либо государство согласится вступить в межгосударственные арендные отношения на подобных условиях.

Арендные отношения между Российской Федерацией и Финляндской Республикой, предусмотренные Договором об аренде 2010 г., во-первых, обусловлены положительным историческим опытом сотрудничества в соответствии с Договором между СССР и Финляндской Республикой о передаче в аренду Финляндской Республике советской части Сайменского канала и острова Малый Высоцкий (далее – Договор об аренде) 1962 г., во-вторых, были урегулированы по требованиям Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

В соответствии с п. 1 ст. 15 Договора об аренде 2010 г. на арендуемой территории Сайменского канала действуют законодательство Российской Федерации и российские органы власти с исключениями, предусмотренными этим договором, в той мере, в какой эти исключения не затрагивают интересы Российской Федерации и ее суверенитет.

Следовательно, данный международный договор предполагает разделение юрисдикции Российской Федерации и Финляндской Республики на арендуемой территории. В связи с этим возникает вопрос о том, как это соотносится с осуществлением суверенитета Российской Федерации на принадлежащей ей территории.

В общем плане аренда (от лат. *arrendare* – «отдавать внаем») представляет собой зафиксированную в договорной форме передачу соответствующего имущества собственником во временное использование за оговоренную плату другой стороне⁴. В международном праве вопрос аренды территории носит очень серьезный характер, поскольку «поднят» на межгосударственный уровень и касается обеспечения государственного суверенитета и осуществления государством своей юрисдикции.

Содержание понятия государственного суверенитета трактуется в научной юридической литературе по-разному.

Согласно одному из мнений, под внешней стороной суверенитета понимается полная юридическая и политическая независимость государства от других субъектов международного права, в т.ч. его право при отсутствии стороннего влияния формировать и задевать свои экономическую и политическую сферы жизнедеятельности и свободно выбирать партнеров для международного общения. Внутренняя сторона означает территориальное верховенство, выражающееся в полномочии государства на собственной территории и его исключительном праве на осуществление

законодательной, исполнительной и судебной власти (юрисдикции) [Шебзухова, Валяровский, 2020: 127].

В связи с ранее обозначенным вопросом по поводу содержания ст. 15 Договора об аренде 2010 г. нас интересует то, как повлияли межгосударственные отношения по аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала на осуществление полномочия Российской Федерации на этой территории. Эта проблема, как представляется, неразрывно связана с обеспечением российских национальных интересов.

В данном контексте некоторые правоведы обращают внимание на то, что от способности проводить в жизнь национальные интересы, обеспечивать национальную конкурентоспособность и безопасность, прежде всего, зависит возможность государства реализовывать свои суверенные права⁵. Вместе с тем возникает вопрос о том, каковы пределы действия государственного суверенитета.

Среди правоведов есть сторонники концепции как абсолютного, так и ограниченного суверенитета.

В силу одной из точек зрения, существование государства внутри системы таких же суверенных государств сводит на нет возможность осуществления им своей деятельности при полной независимости от этих государств. В настоящее время предисказания об абсолютном суверенитете едва ли реалистичны, поскольку без малого все страны в той или иной степени на договорно-правовой основе условились придерживаться конкретных правил поведения⁶.

Как представляется, государство, вступая в договорные отношения с другим государством, должно быть готово к тому, что в случае поиска компромисса по тому или иному вопросу, касающемуся предмета договора, ему, возможно, придется пойти на определенные уступки. И эти уступки могут быть непосредственно связаны с полной самостоятельностью осуществления государством власти на своей территории.

Аналогичные, по сути, мнения выражены и другими авторами.

Согласно одному из них, нынешние международные реалии подтверждают, что все государства имеют лишь ограниченный суверенитет, т.к. в условиях их все продолжающейся интеграции и, в связи с этим, сближения они становятся более взаимосвязаны и взаимозависимы. Тем самым они вынуждены в определенной степени поступиться своими интересами, чтобы не препятствовать общественному прогрессу. Говорить же о существовании абсолютного суверенитета государств возможным не представляется. При этом, если государство частично ограничило свои суверенные права, это не может автоматически рассматриваться как утрата им суверенитета [Шебзухова, Валяровский, 2020: 132].

Интересна и точка зрения, в силу которой вести речь об абсолютизации государственного суверенитета не уместно. Ведь даже в случае наличия у государства уровня сильной державы, самим фактом, что на международной арене имеется и другое сильное государство,

⁵ Кокошкин А.А., Барсенков А.С., Нарышкина О.М., Саворская Е.В. Реальный суверенитет в современной системе мировой политики: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 55.

⁶ Кокошкин А.А., Барсенков А.С., Нарышкина О.М., Саворская Е.В. Реальный суверенитет в современной системе мировой политики: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 7.

⁴ Договорное право: учебник для студ. вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Н.Д. Эриашвили, Д.П. Стригуновой, А.В. Тумакова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. С. 134.

ограничиваются суверенные права страны. Если же говорить о предпосылках ограничения государством своего суверенитета, то оно осуществляется в целях укрепления им своего статуса в сфере межгосударственного сотрудничества. Подобное ограничение является потребностью. Существуют, увы, ограничения и другого рода, например, заключение неравноправного договора и тому подобные примеры вынужденных ограничений, которые нередко несут в себе реальную угрозу суверенитету [Кузьмин, 2018: 77].

Представляется, что участие Российской Федерации в договорных отношениях с Финляндской Республикой в определенной степени все же предопределило, что, по крайней мере, передача финской стороне относящихся к ее компетенции вопросов будет. Об этом, как минимум, свидетельствовал опыт аренды Финляндией советской части Сайменского канала по Договору об аренде 1962 г. Признаком же того, что Российская Федерация была вынуждена пойти на ограничения в таких правоотношениях, не имеется.

Согласно п. 2 ст. 15 Договора об аренде 2010 г. финская сторона имеет право регулировать в соответствии с законодательством Финляндской Республики взаимоотношения между:

- 1) гражданами Финляндской Республики, юридическими лицами Финляндской Республики, гражданами третьих государств и юридическими лицами третьих государств, а также между этими лицами и властями финской стороны по вопросам образования, социального обеспечения, здравоохранения, налогообложения, страхования, наследования, трудовых, семейных и других отношений гражданско-правового характера;
- 2) гражданами Финляндской Республики, гражданами третьих государств, юридическими лицами Финляндской Республики, юридическими лицами третьих государств, а также между этими лицами и властями финской стороны по вопросам возмещения ущерба, причиненного в ходе осуществления судоходства по Сайменскому каналу.

При этом в соответствии с п. 4 той же статьи договора компетенция органов власти и судов по вопросам, указанным в п. 2, определяется в соответствии с законодательством, действующим в Финляндской Республике.

Представляется, что перечисленные права закреплены за финской стороной обоснованно, поскольку сторонами обозначенных правоотношений выступают граждане и юридические лица Финляндии и третьи государства. Российские граждане и юридические лица в них не участвуют, в связи с чем суверенитет Российской Федерации в данном случае не затрагивается.

Согласно мнению одного из зарубежных правоведов, принцип гражданства позволяет государству распространять свою юрисдикцию на своих граждан, где бы они ни находились: на территории своего государства, за его пределами и любых других государств или на территории другого государства (с разрешения). В соответствии с этим принципом тот факт, что граждане государства имеют обязанность подчиняться его законам, даже когда они находятся за пределами его территории, дает ему право регулировать их поведение где угодно.

Кроме того, правила государственной юрисдикции в международном праве традиционно стремятся установить распределение полномочий между суверенными государствами (на основе территориальности и гражданства), в конечном итоге с целью предотвращения нормативных конфликтов. Среди принципов юрисдикции территориальность остается наиболее важным и широко распространенным в мире, по-прежнему ориентированным на государство, осуществляется по принципу равного суверенитета⁷.

Таким образом, закрепление за Финляндской Республикой перечисленных в п. 2 ст. 15 Договора об аренде 2010 г. полномочий является обоснованным. Оно обусловило, прежде всего, избежание конфликта интересов в вопросе реализации юрисдикции на арендуемой территории.

Как отмечается в работе Э.Л. Кузьмина, независимость, неподчинение другому государству – внешний аспект суверенитета. Нельзя допустить, чтобы независимость государства во внешних делах была задета, в противном случае это обернется не только лишением его верховенства на своей территории, но и поставит его в состояние реальной угрозы [Кузьмин, 2018: 54]. Территориальное верховенство представляет собой органический элемент государственного суверенитета, и наличие его включает полную власть государства на своей территории. Вместе с тем территориальное верховенство нередко нарушается в современном мире. Такие нарушения идут чаще всего по линии вмешательства (открытого или скрытого, прямого или косвенного) во внутренние дела государств [Кузьмин, 2018: 62].

Учитывая то, что распространение юрисдикции Финляндской Республики на арендуемой территории на рассмотренные выше вопросы предусмотрено в договорном порядке и, по сути, не затрагивает суверенитета Российской Федерации, то оно не может быть расценено как нарушение территориального верховенства Российской Федерации.

Как верно заметил А.А. Клишас, «суверенитет в общем своем понимании применительно к государству является характеристикой публичной политической власти, состоящей в ее возможности и способности действовать автономно – без вмешательства иных властей» [Клишас, 2018: 143]. В соответствии с изложенным выше, возможность действовать автономно имеется и у Российской Федерации, и у Финляндской Республики – по сферам их юрисдикции. Таким образом, государствам удалось достичь консенсуса по одному из важнейших для двустороннего сотрудничества вопросов.

Отдельного внимания заслуживает п. 5 ст. 15 Договора об аренде 2010 г., в соответствии с которым в случае совершения на арендуемой территории гражданами Финляндской Республики в отношении своих граждан или юридических лиц правонарушений, которые не затрагивают интересы Российской Федерации или ее суверенитет, компетентные органы российской стороны передают дела о таких правонарушениях компетентным органам финской стороны для рассмотрения на территории Финляндской Республики. В случае

⁷ Oana – Adriana Iacob. Principles regarding state jurisdiction in international law. 2019. [Electronic resource]. URL: http://cks.univnt.ro/download/cks_2019_articles%252F3_public_law%252FCKS_2019_public_law_025.pdf (data of accesses: 19.05.2022).

совершения на арендуемой территории не затрагивающих интересы или суверенитет Российской Федерации правонарушений: гражданами третьих государств в отношении граждан или юридических лиц Финляндской Республики или в отношении граждан или юридических лиц третьих государств; гражданами Финляндской Республики в отношении граждан и юридических лиц третьих государств – компетентные органы российской стороны вправе передавать дела о таких правонарушениях компетентным органам финской стороны.

Здесь мы видим широкие полномочия финской стороны, вытекающие из осуществления юрисдикции в правоохранительной сфере. Опять же ключевым критерием для передачи упомянутых дел финской стороне является то, что суверенитет Российской Федерации не затрагивается.

В контексте рассмотренных п. 2 и 5 ст. 15 Договора об аренде 2010 г. представляется возможным разделить урегулированные ими правоотношения на две группы – материально-правового и процессуально-правового характера. Поскольку в п. 2 ст. 15 договора речь идет о распространении юрисдикции Финляндской Республики, т.е. об осуществлении непосредственного воздействия на правоотношения между ее гражданами и юридическими лицами, а также гражданами и юридическими лицами третьих государств, то можно расценивать это как международно-правовое регулирование материально-правовых отношений.

Наличие же в п. 5 ст. 15 Договора об аренде 2010 г. отсылки к тому, что российская сторона передает дела о правонарушениях, совершенных на арендуемой территории гражданами Финляндии в отношении финских граждан и юридических лиц, для рассмотрения на территории Финляндской Республики, как представляется, свидетельствует о том, что это договорное положение является процессуально-правовым. Эта договорная норма создает условия для того, чтобы Финляндия могла самостоятельно, в случае надобности, привлечь к ответственности своих граждан, виновных в соответствующих правонарушениях.

Подобное разделение статьи международного договора на материально-правовую и процессуально-правовую составляющие, как видится, свидетельствует о заметных отличиях между ними с точки зрения обеспечения государственного суверенитета и юрисдикции.

Проявляется это также через такие правовые понятия, как экстерриториальная и экстратерриториальная юрисдикция.

Л.В. Терентьева рассматривает экстерриториальную юрисдикцию в качестве антитезы территориальной государственной юрисдикции. Если под устоявшимся понятием территориальной юрисдикции имеется в виду, что государство реализует в рамках определенной территории совокупность своих властных полномочий, то экстерриториальная юрисдикция подразумевает осуществление властных полномочий государства за его пределами [Терентьева, 2019: 163–164].

Из выводов Е.В. Белякович, раскрывающей суть экстерриториальности в узком смысле, следует, что это понятие предусматривает возможность применения норм государства на территории другого. Но ее особенностью выступает то, что законодательными нормами последнего в таком случае не могут быть урегулирова-

ны правоотношения, в связи с реализацией которых уже задействованы правовые нормы иностранного государства. В силу же экстратерриториального подхода правовые нормы государства могут действовать вне его территории [Белякович, 2009: 6–7].

Как представляется, предоставление Финляндской Республике права регулировать по своим законам на арендуемой территории правоотношения между ее гражданами и юридическими лицами, а также гражданами и юридическими лицами третьих государств выступает проявлением экстратерриториальности. Это позволяет говорить о том, что Финляндской Республике переданы самостоятельные юрисдикционные полномочия. Соответственно, Россия не может регулировать обозначенные вопросы, поскольку на ее территории в этих вопросах возникает «экстерриториальное пространство». Кроме того, решение этих вопросов Финляндской Республикой не касается суверенитета Российской Федерации и, соответственно, не предполагает распространение на них российской юрисдикции.

В связи же с предусмотренной п. 5 ст. 15 Договора об аренде 2010 г. передачей Российской Федерацией дел о правонарушениях, совершенных на арендуемой территории финскими гражданами в отношении граждан и юридических лиц Финляндии, компетентным органам финской стороны для рассмотрения срабатывает процессуальная составляющая данной договорной нормы. В результате Финляндия получает возможность рассмотреть правонарушение на своей территории, осуществив тем самым свои суверенные права в отношении находящихся под ее юрисдикцией граждан. Российская сторона в данном случае свою юрисдикцию не осуществляет и оснований для этого не имеет.

Если же интересы или суверенитет Российской Федерации будут затронуты вследствие совершения на арендуемой территории Сайменского канала правонарушений гражданами России, Финляндии или третьих государств, то российские компетентные органы вправе рассмотреть их на территории Российской Федерации.

Таким образом, наблюдается баланс в вопросе распределения прав и обязанностей Российской Федерации и Финляндской Республики на арендуемой части Сайменского канала. Как представляется, в основе организации такого баланса лежит взаимная выгода сторон Договора об аренде 2010 г.

В одной из юридических работ обращается внимание на то, что анализ практических аспектов межгосударственных экономических отношений позволяет определить два подхода к понятию взаимной выгоды:

- 1) формальная взаимность, под которой имеется в виду ситуация, когда права и обязанности государств носят взаимный характер;
- 2) материальная взаимность, при которой государства реализуют право на справедливое распределение выгод и обязательств; при этом подразумевается сравнимый объем такого распределения. Важно учитывать то, что формальная взаимность в межгосударственных отношениях приводит к материальной взаимности не во всех случаях⁸.

⁸ Международное экономическое право: учебник / под общ. ред. В.М. Шумилова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юстиция, 2021. С. 240.

Представляется, что ранее, в период действия Договора об аренде 1962 г., имела место взаимность смешанного характера прав и обязанностей сторон, а именно: СССР был заинтересован в развитии политических отношений с Финляндской Республикой, в связи с чем не ставил приоритетом извлечение экономической выгоды от передачи в аренду финской стороне советской части Сайменского канала. В условиях избранной финским руководством в послевоенный период времени политики нейтралитета⁹ для СССР было важным вывести отношения с Финляндией, как политического, так и экономического характера, на новый уровень. Это отразилось, в частности, и в упомянутом договоре.

Финляндия же, напротив, имела и имеет целью аренду части канала в своих экономических целях. Таким образом, в этом случае можно было бы вести речь о взаимности сторон договора как формального, так и материального характера. С одной стороны, СССР хотел поддерживать политическое сотрудничество с Финляндией, которая как раз создала для этого необходимые условия через свой нейтралитет, с другой – Финляндская Республика от использования советской части Сайменского канала имела дополнительные экономические возможности. Используя часть этого судоходного водного пути, финская сторона развивала свою экономику через международную торговлю.

Договор об аренде 2010 г. представляет собой международный экономический договор и выгода сторон в связи с его исполнением в некоторой степени трансформировалась в сравнении с ранее действовавшим Договором об аренде 1962 г. Изменились условия арендной платы. Российская Федерация и Финляндская Республика исходят из справедливого распределения экономических выгод и обязательств по этому договору. Но сохранилась и политическая составляющая – сотрудничество по поводу российской части Сайменского канала выступает проявлением стабильности в политическом двустороннем диалоге. Вместе с тем экономическая направленность Договора об аренде 2010 г. выходит на первый план. Поэтому взаимную выгоду сторон по этому договору следовало бы охарактеризовать как материальную.

А.Р. Каюмова полагает, что имеющее место в межгосударственном сотрудничестве ограничение государственной юрисдикции подтверждает, что ограничение объема прав суверенного государства в некоторых случаях явление реальное. Хотя рассматривать ограничение суверенитета государства в качестве однозначного следствия ограничения его юрисдикции нельзя¹⁰.

Солидаризируясь с изложенной позицией, считаем, что имела место частичная передача полномочий Российской Федерации на арендуемой части Сайменского

канала в пользу Финляндской Республики в допустимых объемах, но не ограничение суверенитета России.

С.Р. Гадисов в своей работе ведет речь о гарантиях государственного суверенитета, понимая под ними совокупность социальных, экономических, политических и иных общих условий и специальных правовых средств, целью применения которых выступает обеспечение верховенства, независимости и ответственности государства в формировании, реализации целей и во внутренней, и во внешней политике [Гадисов, 2020: 13].

Представляется, что передача Финляндской Республике части прав Российской Федерации на арендуемой части Сайменского канала не ограничивает возможности России по обеспечению перечисленных целей во внутренней и внешней политике.

Считаем, что разграничение юрисдикции Российской Федерации и Финляндской Республики на арендуемой российской части Сайменского канала согласуется с принципами суверенного равенства государств и уважения их суверенитета, исходя из следующего.

В одном из научных докладов при анализе понятия «суверенное равенство» обращается внимание на то, что оно содержит в себе такие элементы, как:

- 1) государства юридически равны;
- 2) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету;
- 3) территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны;
- 4) каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами [Ерёменко, Барциц, 2019: 18].

По нашему мнению, содержание рассмотренной ст. 15 Договора об аренде 2010 г. согласуется с перечисленными элементами, а значит, и с принципом суверенного равенства государств.

Наблюдается ее соответствие и принципу уважения государственного суверенитета, который подразумевает, среди иных элементов, юрисдикцию создавать условия для неукоснительного соблюдения права на территории соответствующего государства¹¹.

ВЫВОДЫ

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

- институт межгосударственной аренды территории занимает особое место в международном праве, поскольку в рамках реализации существующих в рамках него правоотношений от государства-арендодателя может потребоваться проявлять гибкость в вопросе распространения своей юрисдикции на арендуемой территории; может возникнуть вопрос о передаче какой-то части полномочий под юрисдикцию государства-арендатора;
- международно-правовые условия аренды Финляндской Республикой российской части Сайменского канала предусматривают передачу части прав, изначально относящихся к российской стороне, финской

⁹ См. подробнее: Андреев С. Финляндия: нейтралитет 75-летней выдержки. 26 сентября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finlyandiya-neytralitet-75-letney-vyderzhki/> (дата обращения: 19.05.2022).

¹⁰ Каюмова А.Р. Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://center-bereg.ru/o4238.html>? (дата обращения: 19.05.2022).

¹¹ Бекяшев К.А. Международное публичное право: учебник. М.: Проспект, 2019. С. 82.

Григорян А.С.

стороне (ст. 15 Договора об аренде 2010 г.); это явление подпадает под международно-правовую презумпцию передачи части полномочий государства-арендодателя государству-арендатору;

- передача от Российской Федерации Финляндской Республике части упомянутых прав на арендуемой территории не означает и не равнозначна ограничению там суверенитета Российской Федерации; она осуществлена в целях обеспечения баланса прав и обязательств сторон на арендуемой территории и в основе своей имеет их взаимную материальную выгоду от сотрудничества в связи с использованием российской части Сайменского канала;
- право Финляндской Республики регулировать по своим законам вопросы, перечисленные в п. 2 ст. 15 Договора об аренде 2010 г., основано на экстра-территориальности; с одной стороны, это позволяет Финляндской Республике применять свое законодательство на арендуемой территории к правоотношениям, участниками которых являются ее граждане, с другой – обуславливает частичное ограничение полномочий Российской Федерации по применению своего законодательства в рамках действия экстерриториальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякович Е.В. Пространственное действие правовых норм: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 22 с.
2. Гадисов С.Р. Государственный суверенитет в условиях глобализации: общетеоретическое измерение: Дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2020. 203 с.
3. Геррейро А. Правовой статус принципа невмешательства // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 6–26.
4. Клименко Б.М. Суверенитет правового государства // Московский журнал международного права. 2000. № 3. С. 15–22.
5. Клишас А.А. Суверенитет. От борьбы за право к борьбе за суверенитет. М.: Международные отношения, 2018. 189 с.
6. Кузьмин Э.Л. Загадка Жана Бодена. Трактат о суверенитете. М.: Международные отношения, 2018. 373 с.
7. Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы России: доклад / под общ. ред. И.Н. Барцица, А.С. Ерёмченко. М.: Изд. дом «Дело» РАН-ХиГС, 2019. 224 с.
8. Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал «Высшей школы экономики». 2019. № 3. С. 160–180.
9. Ткачева Т.В. Обсуждение в Конгрессе США Договора о Панамском канале 1977 г. // Вестник Югорского государственного университета. 2006. Вып. 3. С. 97–103.
10. Шебзухова Т.А., Вальаровский Ф.И. Суверенитет в международном и внутригосударственном праве: монография. Пятигорск: Издательство ПФ СКФУ, 2020. 179 с.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 80,2%

Рецензент: Шумилов В.М., доктор юридических наук, профессор

Статья поступила в редакцию 26.05.2022, принята к публикации 06.06.2022

The article was received on 26.05.2022, accepted for publication 06.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорян Александр Сергеевич, независимый исследователь. Москва, Российская Федерация. E-mail: grigoryan84@inbox.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предусмотренные в ст. 15 Договора об аренде 2010 г. полномочия Финляндской Республики, сформированные в соответствии с уступками российской стороны, нацелены на эффективное двустороннее экономическое сотрудничество, согласуются с принципами суверенного равенства государств, уважения их суверенитета, а также невмешательства в их внутренние дела. Государства могут прийти к такому балансу прав и обязательств в двустороннем сотрудничестве путем соотношения их компетенций на арендуемой территории и добровольного принятия соответствующих согласованных решений.

Рассмотренный пример, из которого выводится международно-правовая презумпция передачи части полномочий государства-арендодателя, содержит в себе, как представляется, скорее, не общее правило, а сформировавшееся в межгосударственной практике допустимое правило поведения. Государство-арендатор должно иметь «минимум» полномочий на арендуемой территории, чтобы связанные с арендой вопросы решались не в ущерб его суверенитету, а при соблюдении такового.

REFERENCES

1. Belyakovich E.V. Spatial action of legal norms: The dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the Candidate of Juridical Sciences: Omsk, 2009. 22 p.
2. Gadisov S.R. State sovereignty in the context of globalization: General theoretical dimension: Dis. ... Cand. Sci. (Law). Penza, 2010. 203 p.
3. Guerreiro A. The legal status of the principle of non-intervention. *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 1. Pp. 6–26. (In Rus.)
4. Klivenko B.M. Sovereignty of the state of law. *Moscow Journal of International Law*. 2000. No. 3. Pp. 15–22. (In Rus.)
5. Klishas A.A. Sovereignty. From the struggle for the right to the struggle for sovereignty. Moscow: International Relations, 2018. 189 p.
6. Kuzmin E.L. The mystery of Jean Bodin. *Treatise on sovereignty*. Moscow: International Relations, 2018. 373 p.
7. National jurisdiction: a course towards the competitiveness of the Russian legal system: Report. I.N. Bartsits, A.S. Eremenko (eds.). Moscow: Publishing House "Delo" RANEPА, 2019. 224 p.
8. Terentieva L.V. Extraterritorial jurisdictions of state and perception transformation of its spatial boundaries. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*. 2019. No. 3. Pp. 160–180.
9. Tkacheva T.V. Discussion in the US Congress of the Panama Canal Treaty of 1977. *Bulletin of the Yugra State University*. 2006. Issue 3. Pp. 97–103.
10. Shebzukhova T.A., Valyarovskiy F.I. Sovereignty in international and domestic law: Monograph. Pyatigorsk: Publishing House PF NCFU, 2020. 179 p.

ABOUT THE AUTHOR

Alexander S. Grigoryan, independent researcher. Moscow, Russian Federation. E-mail: grigoryan84@inbox.ru